

ПЛАН

Введение

Глава I. Мы на плечи взвалили и войну и нужду

*Глава II. Страна моя, земля моя,
Одна – родня, одна – семья.*

Глава III. Война и любовь.

Заключение

Введение.

Это ведь противоестественно звучит – женщина и война. Женщина несет жизни, война – смерть. И, тем не менее, еще никогда во всей прошлой истории женщины не участвовали так самоотверженно в защите своей Родины, как в дни Великой Отечественной. Рядом с мужчинами шагали они по пыльным дорогам войны. Вязли в болотах, летали на самолетах, днем и ночью выслеживали врага на переднем крае со снайперской винтовкой. Были женщины и в танковых войсках, и в пехоте. А сколько их, дерзких, отважных, стояло на военных дорогах с автоматами и флажками регулировщиц. Сколько их назывались «Ромашками», «Незабудками», «Волгой», «Землей» - славных, неутомимых телеграфисток, радисток, телефонисток – рядовых фронтовой, армейской, дивизионной и полковой связи.

В первые же дни Великой Отечественной войны свыше тысячи новобурасцев положили новые формирования наших воинских частей. Всего в войне с немецко-фашистскими захватчиками, проявляя стойкость, мужество и героизм, участвовало 7232 воина Новых Бурас и района. 3307 новобурасцев пали смертью храбрых. В это тревожное время у всех советских людей было одно желание – нанести врагу сокрушительный удар.

С этим страстным желанием отцы, матери и жены провожали в Красную Армию своих сыновей и мужей.

Вероломство фашистской Германии вызвало гнев и возмущение жителей Новобурасского района. Вот что, например, читаем в резолюции, принятой на многочисленном митинге крестьян, рабочих и служащих села Новые Бурасы, который состоялся 23 июня 1941 года. «Мы удесятим наши силы, как никогда укрепим дисциплину, организованность, хорошо проведем прополку посевов, подготовимся к уборке урожая.

Приложим все усилия к тому, чтобы каждый наш колхоз превратился в неприкосновенную крепость, а если надо – то все, как один выступим с оружием в руках на защиту нашей великой Родины.

Десятки тысяч не только мужчин явились на призывные пункты. Газета «За большевистские темпы» в Новых Бурасах от 27 июня 1941 года писала:

«В райвоенкомат пришли родные сестры Евдокия Сергеевна Федотова и Анастасия Сергеевна Пастухова. Они просили, чтобы их отправили на фронт. Наряду с резервистами началась и продолжалась на протяжении всего периода войны мобилизация автотранспорта, людей и тракторов, преимущественно гусеничных».

Я взяла эту тему для исследования, т.к. мне кажется, что, вспоминая о войне, мы отдаем должное солдату-победителю, но незаслуженно редко вспоминаем о женщинах-труженицах. Я хочу отдать дань памяти моим землячкам, которые на своих хрупких плечах вынесли всю тяжесть той войны. При написании данной работы я использовала материалы архива, воспоминания очевидцев, письма фронтовиков.

Глава I. Мы на плечи взвалили и войну и нужду.

Вся тяжесть работ легла на хрупкие плечи женщин. Наиболее трудный характер носила уборка урожая 1941 года. К тому же вторая половина лета и осень в 1941 году в районе выдались дождливыми.

В Новобурасском районе инициаторами овладения женщинами специальности трактористов выступили А.Н.Казанкина, А.А.Бочкарева, К.Д.Сосновцева, Н.В.Тарасова, М.С.Федотова, А.С.Бочкарева.

Лучшими трактористками по итогам уборочной 1941 года стали Евдокия и Нина Лысункины, Клавдия Исаева, Зина Бутусова, Нюра Акимина и другие.

Многие работы выполнялись вручную, женщины серпами в дождливое лето 1941 года сжинали по две, три нормы. Включились в работу и престарелые жители сел, несмотря на полеглую рожь и преклонные годы они выполняли ручную норму выработки.

Но объективные причины: уменьшение трудовых ресурсов, сокращение тракторного парка, неопытность кадров, в основном женских, не достаточное количество горюче-смазочных материалов, не позволяли району в целом выполнить план хлебопоставок 1941 года.

Пленум Новобурасского Райкома ВКП(б) отметил, что план хлебопоставок выполнен на 40 %. Более устойчивым, нежели зерновое хозяйство, оказалось животноводство.

Военные будни тружеников района, завершение перестройки на военный лад относится к концу 1942 года и связано с успехами советских вооруженных сил под Сталинградом. Наступление советских войск оказывало огромное влияние на весь 1943 год и продолжалось до конца войны. По-прежнему главным содержанием жизни колхозников была поставка хлеба и мяса стране.

1943 год был засушливым. Количество трудовых ресурсов, тракторов, лошадей в районе неуклонно сокращалось. Поэтому в течение

всех военных лет использовали волов и коров из личных и колхозных хозяйств.

Трудовой героизм земледельцев района не мог компенсировать трудности военного времени, сев 1943 года затянулся, местная газета сообщала, что на 10 июня 1943 года засеяно яровыми культурами 43 % площадей.

На фоне успехов наших Вооруженных Сил в 1944-1945 гг. для района были самые благоприятные урожайные годы.

В годы войны «вся страна стала одним огромным военным лагерем», что «ни завод – фронт, что ни колхоз – фронт». Это была «полная, всеобщая мобилизация экономики для обеспечения победы над врагом». И это не риторика, а точное описание действительности. Наш район не был оккупирован, здесь не шли боевые действия. Главный вклад моей родины в победу – это люди, которые сражались на фронтах и то продовольствие, которое поставляли наши колхозы стране. И на полях, на фермах работали в основном дети и женщины. В обращении 8 марта 1942 года содержалось требование, чтобы ни одна женщина «ни в городе, ни в селе» не оставалась в стороне от производительного труда. Своей Победой в войне СССР обязан женщинам не меньше, чем мужчинам. Среди пришедшей на работу молодежи добрую половину составляли девушки. У многих тружениц дома оставались дети. Всем им были знакомы тягостные трудности поисков пропитания для себя и членов семьи. Все или почти все они были одиноки, так, как мужья, братья, сыновья были на фронте. Главный маршал артиллерии Воронов когда-то написал: «Советские женщины в тылу проявили героизм не меньше, чем воины на фронте».

Конечно, и раньше я знала это. Но когда я стала работать в архиве, опрашивать свидетелей тех событий, читать письма тех лет, то передо мной встали не просто сухие факты, а настоящие человеческие судьбы и от понимания тех событий стало острее и трагичнее.

Вот одна из многих историй. «В семье фронтовика Федотова Л.М., проживающего в с. Новая Алексеевка установлено, что жена Федотова является колхозницей колхоза им. Димитрова. Работая на ферме, получила увечье и умерла, оставив четырех малолетних детей, одного из которых взяли на воспитание ее брат, а трое патронированы колхозом. Все четверо детей крайне нуждаются в приобретении одежды и обуви, не посещают школу» - это выписка из протокола заседания Новоалексеевского исполкома.¹

Многодетные женщины получали государственные пособия по многодетности. Но деньги эти были мизерные.² Поэтому многие женщины шли на то, чтобы скрыть смерть ребенка, чтобы на его пособие купить еду другим.³ И судя по архивным данным в годы войны это было обычное явление. А как еще можно было кормить детей, если в 1942 году в день получали по карточкам 600 гр. хлеба, а иждивенцы по 200 гр. При этом со своего хозяйства платили госпоставки. Из протокола заседания Новобурасского Райсовета депутатов трудящихся: «Гражданка Петровичева Т.Ф. проживает в с. Тепловка Новобурасского района, в хозяйстве которой имеется одна корова, а на иждивении имеет пять человек детей, самому старшему – 14 лет, муж в госпитале, умер в 1942 году, в силу этого гражданка Петровичева не имеет возможности уплатить натуральные госпоставки.⁴

Женщины работали и на предприятиях, которые находились далеко от дома.

Женщины нашего района были мобилизованы на предприятия Наркомрыбпрома Астраханского округа. На предприятии 40 человек, из них только пятеро мужчин, а женщин – 35. Мобилизовывались сроком на 3

¹ ГАНРИ. Фонд № 1, опись № 1, ед. хр. 359.

² ГАНРИ. Фонд № 1, опись № 1, ед. хр. 344.

³ ГАНРИ. Фонд № 1, опись № 1, ед. хр. 340.

⁴ ГАНРИ. Фонд № 1, опись № 1, ед. хр. 355.

месяца. Требования к этим женщинам: чтобы были не с малыми детьми, в хорошей обуви и с хорошей одеждой.¹

В течение всей войны вспыхивали эпидемии. Так осенью-зимой 1942-1943 г.г. имели место вспышки эпидемии сыпного тифа. Для борьбы с завшивленностью использовались общественные и личные бани, были построены вошебойки (камеры-землянки простейшего типа). На всех их не хватало и поэтому эпидемия не прекращалась.²

В тылу все тяготы и заботы легли на плечи женщин, детей и стариков. Слушая рассказы очевидцев, не устаешь удивляться, как у них хватило моральных и физических сил преодолевать все трудности. Ведь на время войны из района ушли более семи тысяч человек. Хозяйства, предприятия лишились тысяч умелых рук. Самоотвержен был труд жителей нашего района!

Уже 3 августа 1941 года в районе был создан особый фонд обороны. Люди, оставшиеся в тылу, помогали фронту, как могли.

Было решено по-боевому включиться в уборку урожая, привлечь для этого девушек. Непростые судьбы у этих людей, молодость которых опалила война.

С первого дня войны включилась в работу 16-летняя Куликова Антонина. Она со своими сверстницами работала на поле трактористкой. Даже бывалые механизаторы недобрым словом вспоминают технику военных времен – капризные и ненадежные тракторы ХТЗ и СТЗ. А тут пришлось посадить на них девчонок: война войной, а землю-то пахать надо, босиком по холодной весенней земле, в легкой одежонке, девчонки порой плакали, порой ругались. Особенно, если неповоротливая машина не слушалась нежных девичьих рук. Доставалось и в ночную смену пахать, где-нибудь на дальнем поле. Тут уж от страха и от усталости и обо всем другом забывали.

¹ ГАНРИ. Фонд № 1, опись № 1, ед. хр. 337.

² ГАНРИ. Фонд № 1, опись № 1, ед. хр. 359.

Этим же девчатам приходилось и хлеб убирать. Таскали по полям двумя тракторами прицепной комбайн. А вот Тоню Бочкареву, как и многих подростков, послали в Саратов, в училище, откуда через несколько месяцев попала она на завод. И руки поначалу не слушались, и сама еле доставала до станка, а приходилось молчать и крепиться: ведь понимала, как снаряды нужны были фронту. После смены, бывало, не чувствовала ни рук, ни ног. А когда выпадали редкие выходные, шла с другими на Волгу разгружать баржи – там тоже не хватало рабочих рук. Затем она вернулась в Бурасы и также работала на полях. Поэтому медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.» - достойная награда за трудовое мужество и терпение в лихую годину для этих молодых девушек.

Но у каждой женщины была только одна мысль, мысль, которая наполняла страхом и болью каждый день и ночь: «А как он там - муж, брат, отец, сын - на фронте. Вернется ли живым?» И когда приходила в семью похоронка, это было горе не только этой семьи, но и всего села. Утешало лишь одно:

смерть эта была во имя Победы. Такое горестное письмо пришло и в семью Малютиных: *«Вере Ивановне.*

Командование воинской части 45902 с глубоким прискорбием сообщает Вам о безвременной смерти Вашего дорого сына Малютина Михаила Павловича. Он погиб 26.10.1941 г. на поле боя с заклятым врагом – как герой. Мы вместе с Вами сожалеем о его смерти. Ведь в его лице мы потеряли своего лучшего офицера, боевого товарища. Он всегда был примером для всех нас и с его смертью мы не забудем его, он всегда будет жить в наших сердцах и требовать мщения за свою прерванную жизнь. Он служил примером для всех нас мужества, отваги, любви к Родине и дорогому вождю товарищу Сталину. Мы отомстим за его смерть проклятым немцам. Будем бить их еще с большей силой и ненавистью в их же доме.

Со всеми воинскими почестями и отдаением боевого салюта. Не убивайтесь горем, стойко переносите потерю, еще больше работайте для фронта, для победы, она уже близка.

С горячим приветом зам. Командира части. Подполковник»

А с фронта солдаты писали письма, ни словом не обмолвясь о трудностях и тяготах, чтобы не волновать близких. О ранениях – вскользь, о победах – подробно и как-то даже задорно. Крепитесь, дорогие, скоро Победа!

Два письма от Салухова Николая. Эти письма пришли с фронта в 1944 году в Новые Бурасы родителям Николая.

10.04.44 г.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, Таня, Лена, Шура и Валерик! Примите горячий привет от вашего Коли. Я жив и здоров, немного поцарапало правую руку, но это пустяки, писать бы об этом не стоило, да вот пишу я плохо из-за этого, а вы, глядя на почерк, еще подумаете бог знает что. Я же и так ни на один день не покидал.

Давно вам не писал. Но ничего не поделаешь – война, да еще какая! На войне бывает по-всякому. Посылал я вам денег сначала 1600 рублей, потом 1000 рублей. Они до вас, наверное, еще не дошли, но ждите, дойдут.

Здесь уже настоящая весна. Пацаны бегают без штанов и разувкой. Мои хлопцы тоже разделись, вытянулись около машины – греют животы, понабили их немецкими консервами.

Как, Таня, любит у тебя Лерка конфеты да сахарок? Полазил бы он по моей машине, нашел бы, что ему больше всех надо! Как сейчас здоровье мамы? Теперь она должна поправляться, так как скоро война кончится, ей нас с папой встречать надо будет. Что пишет папа?

Письма от Лены и Шуры получил давно, еще до нашего вступления в бой. Оба в один день.

Давно я не писал никому. Кто будет обо мне спрашивать – говорите: «Наш Коля жив и жить будет. Его не убьют, он счастливый, в сорочке родился».

На этом кончаю. До свидания. Остаюсь ваш Коля.»

09.06.44 г.

«Здравствуйте еще раз! Забросал я вас письмами, только вот недавно послал и пишу снова. Сфотографировался – надо послать. Не нравится мне карточка – опять сердитый, как все равно голова болит с похмелья. В действительности я редко бываю таким, ведь все время нахожусь с людьми и нос вешать не приходится, больше смеешься, поешь. Мама мне говорила когда-то: «Ты как тятя Коля, не умеешь петь». Ах нет, запузыриваю дай боже как! Больше вторю. И первым умею, но если очень высокая нота – голос на козлячий переходит. А, в общем, петь я люблю.

Наша часть – одна из передовых частей Красной Армии. На днях, в добавок к гвардейскому званию, нашей части был вручен орден Красного Знамени, часть стала Краснознаменной. Да, кроме того, в период боев мы получили три благодарности лично от Верховного Главнокомандующего

маршала Сталина, за успешные наши бои, за большие трофеи, за освобождение нескольких городов.

Ну вот, на этом кончаю. Остаюсь ваш Коля. Пишите, как у вас дела, как мама, что нового в Бурасах».

Это письмо было последнее. Николай погиб в 1945 году.

И была между женщинами всей страны какая-то незримая связь, единение. Сестричка из госпиталя, выхаживая раненого, писала письмо его родным и становилась членом семьи, родным человеком. Я нашла несколько писем, которые пришли в Новые Бурасы из госпиталя г. Винько. Это письма Ивана Урядова и медсестер, которые ухаживали за ним. Письма адресованы жене Ивана Урядова Наталье и дочери Ане.

18.VIII.44 г.

«Привет из города Вильно! (госпиталь).

Здравствуйтесь, Натуся!

Во-первых, сообщаю, что нахожусь в госпитале с 4 августа, состояние тяжелое, ранен в грудную клетку с открытой формой левой стороны легких. Сейчас нахожусь под надзором. Состояние здоровья будет улучшаться. Воевал с 23 и по 4 августа и дошли до границы восточной

Пруссии, перешли реку, за эти бои всех боевых друзей потерял. Вот, что мог коротенько сообщить о себе. До свидания, всех целую.

Ваш муж Ваня.

Письмо писала медсестра Вера. За мужа не беспокойтесь, он выздоровеет. С горячим приветом сестра Вера».

8.X.44 г. – «Здравствуй, дорогая Наташа. Во первых строках своего письма сообщаю, письмо от тебя, а также и деньги, высланные тобой, 500 рублей, получил, за что

очень благодарен. Здоровье мое, что день, то лучше. Пока еще не хожу, лежу, но чувствую, что скоро начну ходить. Прошу вас, пишите подробно о делах своих и вообще обо всем, меня все это очень будет интересовать. Пишите почаще. Новостей пока никаких у нас нет. Передай привет родным и знакомым. Горячий отцовский поцелуй малышам.

Пока до свиданья.

С приветом. Крепко целую. Ваня Урядов.

Писала сестра Примако Л.

10.I.45 г.

«Здравствуйте, уважаемая Наташа!

Привет от неизвестной для вас Маруси. Разрешите сообщить для вас не очень приятную весть, что ваш муж Урядов Иван Тимофеевич находится в очень тяжелом состоянии, едва ли выживет. Конечно, для вас и детей тяжелая утрата будет... Но как видите, он болел раньше туберкулезом, а сейчас это все находится в открытой форме. Не жалеет ни денег, ничего, но только чтоб быть живому, для вас, для семьи. Но состояние с каждым днем ухудшается. Я его шеф, шефствую над ним и ухаживаю. Сначала состояние его здоровья было плохим. Немного улучшилось, стал кушать хорошо, а сейчас вновь резко ухудшилось.

Вот все. На ваш ответ я отвечу. До свидания. Будьте здоровы. Привет деткам, о которых он часто вспоминает. С приветом медсестра Маруся.

11.I.45 г. – это письмо было написано после смерти Ивана Тихоновича.

Привет из Вильно.

Здравствуйте, Аня!

Передаю Вам свой пламенный чистосердечный привет и желаю самого наилучшего в Вашей жизни!

Дорогая Анечка! Сочувствую Вам. Но ведь нельзя так, себя надо пожалеть. Никто не знает, какая бы была судьба его потом? Анечка, при его смерти я не была. Когда хоронили, меня не отпускали, но я не могла не пойти. Я так к нему привыкла за 2,5 месяца. Он мне был вторым отцом. Хоронили его в военной форме, где хоронят и всех бойцов Красной Армии, погибших от ран, нанесенных немецким извергом.

Приехал к нам в госпиталь он совсем плохим, я взялась за него, короче шефствовать. Через 1 месяц он начал сидеть. Потом ему сделали операцию. Он полежал полторы недельки и опять начал сидеть и даже пробовал ходить. Но вам известна его болезнь до войны. И вот в это время в нем начался процесс открытого туберкулеза легких и кишечника, а также понос. Вот этих всех болезней он не мог преодолеть, и 4 декабря 3 часа перед смертью он ничего не говорил. Он очень благодарил меня за все то, что я сделала для него. Просил письмом поцеловать малюток и вырасти здоровыми и мужественными, но не такое счастье их должно быть. Но, Анечка, пойми, боль слезами не ульешь. Ни один такой на свете. Анечка, пишите, не забывайте. Пока, до свидания.

Глава II. Страна моя, земля моя.

Одна – родня, одна – семья.

Я знаю войну по фильмам, по книгам, из уроков истории, но мне кажется, что самое ценное я могу узнать из воспоминаний очевидцев. Пусть это скудные, корявые рассказы простых русских женщин, не умеющих красиво говорить, но в этом их и ценность.

Из воспоминаний Ефросиньи Михайловны Монаховой.

«Замуж вышла до войны. В 38-ом родилась Валя, Ефим-то в это время в Армии был, уж потом дочку увидел. В 40-ом родился Володя. А в 41-ом – война, ушел Ефим на фронт. Ранили его, в феврале 42-го после госпиталя в отпуск приходил. Проводила его

опять на фронт, домой зашла и почувала – родить пора. Так Лида

родилась... Вскоре, во время обстрела, погибла сестра Нюра, остался сиротой трехлетний Юрик, и стал он мне за сына... А немцы-то уж вплотную подходили к городу. Решили мы эвакуироваться. Семья у нас большая была, да одни бабы – дочери, снохи, куча малых ребятишек да тятенька с мамонькой. Связали узлы, одели потеплее детей и где в товарных вагонах, где пешком, где на подводах, под бомбежками, без воды и хлебушка, в холод отправились в дальнюю дорогу.

С божьей помощью добрались до Вихляйки, вырыли землянку и стали в ней все вместе жить. Женщины пошли на работу: кто на ферму, кто в огородную бригаду, я стала дояркой, потом работала телятницей. Тяжело было, но жили надеждой: война к концу идет, придут мужики, там легче будет... За три месяца до Победы сгинул мой Ефим Константинович, пропал без вести...»

Вспоминая о своем Ефиме, тетя Фрося плачет:

«Уж и забыла, какой он был-то, только во сне увижу – узнаю»
Младшая, Лида, так никогда и не увидела своего отца. И, наверное, поэтому, когда вернулся с фронта весь израненный и контуженый младший брат тети Фроси – мой будущий отец, Лида стала называть его папкой...

Из воспоминаний Прасковьи Лариной.

«Потеряла мужа во время раскулачивания. Во время голода 1933 года из десяти детей умерло пятеро. Затем стало посытнее, постепенно налаживалась и сама жизнь. И начали к Прасковье Григорьевне свататься женихи – несмотря на пережитое, она все еще оставалась статной и красивой. Но хоть и тяжело ей было тянуть вдовью судьбу, не пошла ни за кого, осталась верна своему Ефиму.

Но жизнь и здесь повернула по-своему. Весной сорок первого умерла соседка, оставив пятерых детей, самой младшей из которых, Клавдюшке, было всего-то девять месяцев. На себе испытала Прасковья, каково одной женщине поднимать детей, вот не выдержало сердце, когда увидела, как

мается с ними вдовый мужик: ни накормить толком, ни постирать, ни прибрать. Дети – чистые сироты. Пожалела она душой эту семью: не замуж пошла, за детей. Сошлись они с Дмитрием, стали жить: расписываться, узаконивать отношения вроде бы некогда было – все дела да заботы. А через три месяца – война. Как ушел Дмитрий в первые дни войны на фронт, так как будто в воду канул. Ни письма, ни весточки. И снова Прасковья осталась одна, и снова – с десятистыми на руках. Работала в колхозе от зари до зари, ловила со старшими детьми в Медведице ракушек да рыбную мелочь, пекла из травы лепешки с горсткой муки – тем и перебивались, хотя голодали сильно.

Многие говорили ей тогда: «Отдай Митриевых в интернат, своих детей спасай. Что ты за них уцепилась, чужие они тебе: не списаны вы ведь даже Митрием». Никого не отдала эта удивительно стойкая и мужественная женщина. Всех выходила, вырастила, выучила, поженила, замуж отдала, внуков и правнуков помогала растить...

С каждым годом этих женщин остается все меньше и меньше в живых. История уходит мимо нас. И долг любого человека часть этой истории оставить в своем сердце.

Глава III. Война и Любовь.

Да, война была страшная, жестокая, безжалостная. Оккупированная часть СССР стала местом, где накопился колоссальный заряд ненависти. Отсюда это глубокое чувство распространилось на весь советский народ, в том числе и тот, который оставался по другую сторону фронта. И.Эренбург писал: «Как и другим, ненависть мне далась нелегко, это ужасное чувство – оно

вымораживает душу... Годы всеобщего затемнения, годы ненависти, годы ужаса. Обкраденная, изуродованная жизнь. И еще – «мы все дышали тоской, обидой, гневом». И удивительно, что в этом мире тоски, обиды, гнева люди не разучились любить, верить, надеяться. Такую историю любви и веры я и хочу рассказать.

Героев этой истории уже нет в живых, но их дети, внуки, а теперь и правнуки хранят сагу любви и верности двух людей, которая началась в далеком 1942 г. Начнем издалека. В южном городе Таганроге молодой грек полюбил местную девушку и недолго думая, увез ее на родину, к теплому Средиземному морю. В 1901 родился сын. Но молодые не долго радовались счастью. Страшная эпидемия чумы. Умирают оба. А шестилетний мальчик чудом остался жить. И чудом же добралась до Греции тетка из Таганрога и забрала Петю в Россию. Работала она экономкой у градоначальника, не нуждалась. Но замуж так и не вышла, отдав всю любовь Петруше. Да и градоначальник полюбил малыша, и так как имел только двух дочек, воспитывал его почти как родного. Его стараниями Петю устроили в гимназию, дочери градоначальника помогали по всем предметам. Но то ли темперамент греческий о себе дал знать, то ли мода была у тогдашней молодежи такая, но Петруша ударился в политику, а точнее в большевизм. Гимназию он не окончил, был отчислен за вольнолюбивые стихи и за участие в студенческих волнениях. А ведь подавал большие надежды (к девяти годам прочитал всю библиотеку, имевшуюся в доме). А вот уже 1917 год. Одна революция, другая. Семья градоначальника собралась за границу, да ждали только Петю. Но тот однажды не пришел домой, остался на баррикадах. Власть на Дону переходила из рук в руки, то к красным, то к белым. И Петя, с его принципами чести, не находил ответы ни у тех, ни у других. И воевал с одинаковым успехом и за тех и за других. После гражданской жил в своем доме, в Таганроге, был женат, но неудачно, семьи настоящей не сложилось. Затем война. Фронт. Ранение. Госпиталь в Горьком. И

молоденькая медсестра Катя. Добрая, тихая, милая. Из большой, многодетной деревенской семьи. А Петр Андреевич уже не молод (41 год), за спиной по Катиным меркам, у него целая жизнь. Заставляла себя держаться подальше от него – умного, красивого, и самое главное, непохожего на других. Еще бы. Знает наизусть «Евгения Онегина», «Мцыри», «Витязя в тигровой шкуре». А когда в Горький эвакуировали Эрмитаж и сделали небольшую экспозицию, Петр Андреевич водил их с сестрой по залам и рассказывал так, что работники музея приходили послушать. А как запоет – сердце сжимается. Писал стихи о любви и дарил ей, то ли серьезно, то ли в шутку. И пусть сестра шепчет, что старый он, что жена у него где-то, да и к петлицам и погонам не грех присмотреться («Петр Андреевич твой даже не офицер»). Пусть. Зато порядочный да добрый. Веселый очень. Над сестрой все шутит: «Привезу тебе с фронта санинструктора-майора, будешь довольна». И о жене своей говорит с уважением «Я роюсь в памяти и стараюсь найти такой случай, где бы она была виновата и не нахожу. От этого кажется, что совершаю по отношению к ней что-то грязное, мерзкое и неправильное. Но, милая Катя, я не могу не любить тебя, это выше моих сил». От ласковых Петиных слов кружится голова. «Кацапочка», «Лучезарная», «Девочка моя», «Котенок». Боялась, что когда увидит он, как живет она с мамой, с братьями и сестрами в богом забытой деревне Вязовке, на пасеке, засмеет, бросит. Но удивительно прозвучали его слова: «И не взирал на то, что они люди не моего круга, не моих привычек, не моих кругозоров, я все же их полюбил за их искренность, простоту и за то, чего ты и не замечаешь сама. Вы мне все дороги и родственны».

Петр Андреевич любил рассказывать про свою Родину, про юг. Как много там винограда и фруктов. «Кажется, я соберу тебе самые лучшие абрикосы со всех деревьев Таганрога. Мы будем жить с тобой у самого синего моря. Ты веришь мне, Котенок?» Катя думала: «Зачем спрашивать? Зачем отвечать? Война идет. Что дальше будет, не знает никто». И тут же

гнала эти мысли. Они наслаждались тишиной и своим счастьем. Ходили за грибами, ели мед, слушали соловьев. Но пришло время расставаться и когда Петр Андреевич уезжал на фронт, они уже знали, что у них будет ребенок. Дочка Таня родилась там же, на пасеке. И туда же стали приходить письма, которые были подписаны коротко и смешно – «твой Петька». «Милые мои девочки! Вы не поверите, как я за вами скучаю. Все: Таганрог, Родина, море, знакомые, друзья... потускнело и потеряло свою прелесть. И только потому, что мое сердце рвется в милый, холодный Горький, с тепленькими сердечками, которые меня любят и ждут. Я не представляю, как будет биться мое сердце, когда я увижу свое счастье, свою цель в жизни, свою дорогую дочурку. Мне кажется, что я ее зацелую. Как, Катенька, я тебе благодарен за дочь! А пока, мои дорогие, до свиданья в Горьком или где-нибудь. Целую тебя крепко-крепко, до темноты в глазах. Твой счастливый Петька».

«...Ты все же, Катенька, не пишешь всего о нашей Танюшке. На кого она похожа? Какие у нее глазки? И пиши мне, моя дорогая, о ней больше. Уже не долго осталось ждать того момента, когда все кончится, и я приеду к тебе, моя дорогая. Никуда я больше не поеду. Дочь и ты заменят мне и хорошую кровать и красивую и удобную квартиру в центре города, и все-все, к чему я привык с детства. И никогда я не пожалею о прошлом. Мы уедем с тобой на юг и заживем новой здоровой жизнью и навек похороним мое обломовское существование. Ты думаешь, я хорошо и красиво жил раньше? Ничуть. Правда, сначала меня увлекала сытая и уже кем-то приготовленная жизнь. Очень приятно было сознавать, что все есть и ничего не нужно. Но теперь у меня где-то на севере есть вы с дочкой. И больше мне ничего не надо. Наши доблестные войска берут Таганрог и в это время ты присылаешь мне письмо с известием, что я папа, что у меня есть дочь. Что выше? Конечно, Танюша. Все можно отдать, все блага жизни за одно только слово – папа, которое будет произносить это милое существо... Целую вас. Твой счастливый Петька.»

«...только твои письма, Катя, заставляют радостно биться мое сердце, только тогда, когда ты пишешь о себе и нашей дочери, только тогда я живу и нахожу жизнь красивой и нужной. Остальное все такое второстепенное, незначительное за исключением великой и ответственной задачи, какую поставила Родина – изгнать проклятого зверя-фашиста из пределов нашей страны. Эта задача у меня на особом счету и выполнение ее равносильно нашему будущему счастью. Если немцы будут в нашей стране – значит не видать мне тебя и Танюшку улыбающимися и счастливыми. А видеть свою жену и дочь в ярме капиталистов и помещиков – лучше их тогда совсем не видеть...

В годы гражданской войны я был очень гуманным парнем, я не мог застрелить обезоруженного бойца и, помню, очень долго мучился с совестью, когда под Таманью застрелил шутя подбирающегося алексеевца-юнкера к винограду.

И на эту войну я пришел таким же, т.е. честно сражаться: брать в плен, не стрелять по Красному Кресту и вообще соблюдать все правила войны. После того, как я видел, как эти звери соблюдают правила, после

того, как я видел сотни трупов, замученных пленных, стариков, женщин, детей, после того, как я увидел развалины госпиталей, школ, библиотек, клубов – вся моя гуманность испарилась и осталось только желание как можно больше истребить этих человекоподобных гадов.

Милая, мне очень неприятно и даже стыдно за то, что ты не работаешь. В то время, когда весь народ нашей Родины напрягает каждый свой мускул для скорейшего окончания дела – ты боишься почему-то поступить на работу из-за Танюши. Я не хочу тебя агитировать, но ведь ты бывшая комсомолка, имеешь неплохую специальность, которой бы тебе не дала бы, простой крестьянке, ни одна власть в мире. Ты в такой нужный и горячий момент боишься оставить девочку в яслях или дома. Извини, но это как-то даже не по-советски. Я знаю, что тебе дорога девочка, но Родина-то разве тебе не дорога? Да и не требуют же у тебя ребенка, чтобы принести его в жертву Родине?

Ты, родная, хорошенько подумай, и того... работай, дорогая. Из Таганрога я получил письмо, мне пишут, что немцы очень много угнали народа насильно в Германию и на Украину. В число этих несчастных попала и моя мама. Так что я теперь круглый сирота, если и ты еще откажешься от меня. Нашлись и такие негодяи, которые и добровольно выехали в Германию. К своему стыду должен заметить, что такие нашлись в среде моих знакомых...

Ты, роднуша, мне пиши чаще, и я меньше буду думать о плохом».

Писем много. Они идут в Горький, они летят из Горького. Встреча долгожданная, счастливая. Как они встретились, сейчас уже никто не знает. Кто видел их в тот момент, умерли.

Но они встретились, чтобы уже не расставаться. Они прожили вместе совсем немного. Катя родила Петру Андреевичу еще троих детей. Но тяжелые годы войны дали о себе знать. Она умерла в 1952 году от болезни, а он в 1955 году от ран и контузий.

Заключение.

У Кремлевской стены навечно лежит неизвестный солдат – сын всех матерей земли Советской. Сын Родины. В Берлине гордо стоит другой солдат с маленькой девочкой на руках, и имя ему – герой-победитель. Он тоже сын всех матерей земли Советской.

И нет нигде могилы неизвестной дочери Родины. А ведь жизнью, подвигом и героической смертью заслужили девушки и женщины - воины Великой Отечественной – право на низкий поклон потомков и на памятник, и на святую могилу святой памяти дочери Родины, имя которой неизвестно, подвиг которой в веках бессмертен.